

*В. М. Алпатов*

# СЛОВО И ЧАСТИ РЕЧИ



STUDIA PHILOLOGICA

Studia philologica

Владимир Алпатов  
**Слово и части речи**

«Языки Славянской Культуры»

2018

УДК 80/81  
ББК 81

**Алпатов В. М.**

Слово и части речи / В. М. Алпатов — «Языки Славянской  
Культуры», 2018 — (Studia philologica)

ISBN 978-5-907117-14-3

В книге речь идет о «вечных» проблемах языкознания: проблеме слова и проблеме частей речи. Эти проблемы стоят перед европейской наукой уже более двух тысячелетий, однако никакого теоретического единства в их трактовке не существует; имеющиеся многочисленные концепции слова и частей речи разнообразны и часто несопоставимы друг с другом. Представляется, что для решения проблемы «Что такое слово?» стоит выйти за пределы «чистой» лингвистики и обратиться к изучению вопроса о психолингвистическом механизме человека. Издание рассчитано на специалистов-языковедов, аспирантов и студентов-филологов и всех, кто интересуется теоретическими проблемами лингвистики. 2-е издание.

УДК 80/81

ББК 81

ISBN 978-5-907117-14-3

© Алпатов В. М., 2018

© Языки Славянской Культуры, 2018

# Содержание

Введение	5
Глава первая	9
1.1. Словоцентрический подход к языку	9
1.2. Несловоцентрические подходы к языку	11
1.3. Определения слова	15
1.4. О разных значениях термина «слово»	21
1.4.1. Фонетические слова	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

# В. М. Алпатов

## Слово и части речи

### Введение

В этой книге речь пойдет о «вечных» проблемах языкознания: проблеме слова и проблеме частей речи. Эти проблемы стоят перед европейской наукой уже более двух тысячелетий, затрагивались они и в других лингвистических традициях. Существует необозримое множество теоретических и практических сочинений, где о них так или иначе говорится; я, разумеется, не претендую на их исчерпывающее рассмотрение. Они эксплицитно или имплицитно затрагиваются в любой грамматике любого языка (кроме некоторых грамматик, написанных с позиций генеративизма). Однако никакого теоретического единства в трактовке этих «вечных» проблем не существует; имеющиеся многочисленные концепции слова и частей речи разнообразны и часто несопоставимы друг с другом. Этот факт многократно отмечался в науке. Из множества высказываний для примера приведу два. Одно, принадлежащее Д. Н. Шмелеву, написано более сорока лет назад: «Уже предложено бесчисленное количество определений слова, которые существенно отличаются друг от друга и редко использовались кем-нибудь, кроме (и то не всегда) самих их авторов... Сама возможность появления приемлемой для большинства лингвистов дефиниции слова представляется, по крайней мере, сейчас, довольно сомнительной» [Шмелев 1973: 35]. С тех пор ситуация не изменилась, вот высказывание уже XXI в. в другой стране: «Несмотря на выдающуюся роль понятия слова в нашем повседневном осмыслении языка, наше понимание природы слов все еще ограничено» [Даль 2009 [2004]: 308]. Аналогично дело обстоит и с частями речи. Встает вопрос о причинах такой ситуации, который и является главной темой книги.

Несмотря на разброс теоретических точек зрения, для многих языков, включая, пожалуй, все или почти все языки Европы, существует устойчивая традиция проведения словесных границ и классификации слов по частям речи. Эта традиция могла частично меняться со временем (например, в европейской традиции некогда единую часть речи – имя позже разделили на существительные и прилагательные, см. 2.2), возможны споры и неясности в периферийных случаях, но с античных времен такая традиция существует. Д. Н. Шмелев верно обратил внимание на то, что авторы многих определений слова могут ими практически не пользоваться (ниже будет рассмотрен, например, случай Л. Блумфилда), поскольку исходят из принятой традиции. Обычно определения являются не основой для исследовательских процедур, а попыткой обосновать то, что лингвисту уже известно заранее; это не исключает их процедурного использования, но лишь в периферийных спорных случаях. Такой подход чаще существует в неявном виде, однако иногда эксплицируется, как это сделал А. И. Смирницкий, рассматривая проблему отграничения слов от частей слов [Смирницкий 1952: 188].

Проблемы слова и частей речи для языков со сложившейся традицией описания – в основном теоретические, мало влияющие на традицию их выделения на практике. Иная ситуация имеет место для ряда других языков, прежде всего менее изученных, но иногда и языков, казалось бы исследованных досконально: японского, китайского (замечу, что в обоих этих языках слова на письме не отделяются пробелом). Для выделения слов и классификации по частям речи в этих языках либо нет устойчивой традиции, либо имеется разброс мнений, в том числе для разных стран или разных поколений лингвистов в одной стране. Для некоторых языков также существуют национальные традиции, но они создают проблемы их совместимости с европейской традицией; этот вопрос будет рассмотрен в 1.7–1.9 и 2.10. Для всех таких языков западный или российский специалист либо вступает на опасный путь использования

интуиции носителя своего собственного языка (миссионерские грамматики), либо исходит из собственного определения слова или частей речи. В последнем случае различие теоретических позиций существенно меняет интерпретацию фактов.

Вот, например, определения слова в двух грамматиках японского языка, принадлежащие двум отечественным ученым разного времени: Е. Д. Поливанову (1930) и И. Ф. Вардулю (1964). Первое определение: «Для отличения слова от части слова, с одной стороны, и от словосочетания, с другой – существует общий для всех языков критерий, выражающийся в следующей синтаксической характеристике слов: слово есть потенциальный *minimum* фразы, т. е. тот комплекс... который может быть употреблен – при тех или иных условиях коммуникации – в качестве целой фразы, но который в свою очередь уже не разложим на части, способные фигурировать в качестве целой фразы... Но кроме этого общего (синтаксического) признака слова в каждом языке есть свои особые внешние, т. е. фонетические признаки, характеризующие слово, в отличие от части слова и словосочетания. К ним относятся: 1) признак акцентуационный, 2) признаки, состоящие в потенциальной характеристике начала или конца слова, или же, наоборот, середины слова» [Плетнер, Поливанов 1930: 144–145<sup>1</sup>]. Второе определение: «Первое исходное положение: последовательность морфем в словоформе устойчива, изменение ее ведет к разрушению словоформы... Второе исходное положение: вклинение слова в ряд морфем возможно только на стыке морфем, принадлежащих разным словам... Третье исходное положение: морфема, способная вклиниваться между словами, сама есть слово» [Вардуль 1964: 35].

Хотя оба автора употребляют один и тот же термин *слово*, они используют совершенно разные критерии: Е. Д. Поливанов – синтаксические и фонетические, И. Ф. Вардуль – морфологические. Не удивительно, что разные определения ведут к разному членению японского текста на слова: например, падежные показатели (так называемые *ганио*) Е. Д. Поливанов считал аффиксами [Плетнер, Поливанов 1930: 145–146], а И. Ф. Вардуль – служебными словами [Вардуль 1964: 33–36]. Подробнее вопрос о японском слове будет рассмотрен в разделах 1.7 и 1.8.

Не меньший разнобой наблюдается и в отношении частей речи. Для того же японского языка Е. Д. Поливанов выделял всего три [Плетнер, Поливанов 1930: XV–XXXV], а Н. И. Фельдман – девять частей речи [Фельдман 1960: 31–39].

Описывать язык, вовсе не используя понятия слова и части речи, оказывается весьма сложным, если, конечно, не заниматься простым переименованием терминов, как это часто делается, например, в американской лингвистике, где *parts of speech* превращаются в *word classes*. Особый вопрос составляет, однако, генеративный подход к языку, при котором меняются многие принципы рассмотрения языкового материала и понятия слова и частей речи действительно могут оказаться несущественными. Особенно это касается вопроса о слове, тогда как генеративные концепции частей речи (при данном подходе не обязательно понимаемых как классы слов) существуют в немалом количестве; см., например, [Baker 2004]. Впрочем, концепции, отрицающие полезность понятия слова, встречаются и вне генеративизма, недавний пример – [Haspelmath 2011]; эти концепции будут рассмотрены в разделе 1.6.

Цель книги – разобраться в существующих точках зрения на два данных вопроса и выявить причины имеющихся расхождений. Такой критический анализ, пусть не первый и не последний, как я надеюсь, может быть полезен.

Многообразие точек зрения, не уменьшающееся со временем, наводит на мысль: а можно ли вообще считать, что в каждом случае следует рассчитывать на выработку единственной концепции, отражающей истину и превосходящей все остальные? Конечно, среди имеющихся подходов могут быть неадекватные и противоречивые; тем не менее и сама их противоречи-

<sup>1</sup> Грамматика принадлежит двум авторам, но данный раздел целиком написан Е. Д. Поливановым.

вость может оказаться не случайной. Но нередко несовместимые друг с другом и дающие разные результаты подходы оказываются для тех или иных целей вполне разумными и плодотворными.

Не только в языкознании, но в любой науке в наше время, повидимому, уже нельзя исходить из жесткого представления о существовании единственной адекватной концепции и порочности всех остальных точек зрения. Хорошо известно, что истина относительна, а приближение к ней бесконечно и может идти с разных сторон. Часто и противоположные по своему подходу концепции могут содержать рациональное зерно. И разные концепции, включая лингвистические, могут оказаться правильными, но неполными, отражая некоторую реальность, но не всегда ту же самую.

Многие концептуальные различия могут быть связаны просто с тем, что одним и тем же термином называют разные сущности. Например, многие еще помнят бурные споры между Московской и Ленинградской фонологическими школами. Однако время показало, что ни одна из концепций не была ошибочной, просто термином «фонема» называли разные единицы языка, на что еще давно указывал С. И. Бернштейн [Бернштейн 1962]. Нечто аналогичное, как будет показано ниже, имеет место и в отношении слова и частей речи. Но возможна и принципиальная несовместимость концепций. Принцип дополнительности, введенный Н. Бором в квантовую механику, согласно которому разные свойства объекта не могут быть установлены одновременно, оказывается необходимым и для науки о языке, на что обращал внимание Р. Jakobson [Jakobson 1985 [1970]: 403–404]. И само именование разных сущностей одним термином может быть не случайно и отражать фундаментальные различия подходов.

Автор не ставит перед собой задачу описания новых языковых фактов (хотя иногда хочется обратить внимание лингвистов иных специальностей на факты некоторых языков, прежде всего японского, которым я уже много лет занимаюсь). Основное внимание уделяется тому, как эти факты интерпретируются лингвистами различных школ и направлений; как уже говорилось, задача исчерпывающего учета всех таких интерпретаций нереальна и здесь не ставится. Наряду с европейской лингвистической традицией и выросшей из нее мировой лингвистикой последних столетий учитываются и лингвистические традиции других народов, более всего японская традиция, недостаточно известная за пределами Японии. Вряд ли целесообразно отвергать национальные традиции как «донаучные», а вопрос о выделении слов и частей речи в языках различного строя требует и учета того, как они выделяются самими носителями языка (если, конечно, об этом что-то известно). Кроме того, учитывается игнорируемая многими лингвистами литература по психолингвистике и механизмам речи, включая нейролингвистическую (в том числе по афазиям), поскольку она помогает понять, на чем основана традиция выделения слов и частей речи.

Данное исследование возникло как попытка обосновать принципы выделения слов и частей речи в японском языке, первоначально сформулированные в книге [Алпатов 1979a]; эти принципы с тех пор я во многом пересмотрел. Поэтому в нем большинство примеров приводится из японского и русского языков, менее систематично используется и материал некоторых других языков, в основном Европы и Азии. Вполне возможно, что этот материал неполон и требует корректировок на основе фактов языков других ареалов.

Первый вариант книги был написан в 1984 г., однако он далеко не во всем меня удовлетворял, и работа продолжалась. Сокращенный вариант второй главы в первоначальном виде вошел в книгу [Части речи 1990], третья глава в первом варианте была опубликована в виде статьи [Алпатов 1993]. Однако монография в целом виде в те годы так и не была опубликована (исключительно по внутренним причинам). Теперь автор все же решил представить ее после дополнительной переработки на суд читателя. Конечно, за прошедшие годы появилось немало новой литературы по ее теме (хотя представляется, что сейчас эта тема, особенно в аспекте слова, не так популярна, как 50 или 100 лет назад), которую автор старался учесть.

Но, весьма вероятно, в данной книге имеются пробелы в этом отношении, за которые автор приносит извинения.

Книга состоит из трех глав. Первая глава посвящена слову, вторая – частям речи, третья, самая короткая глава рассматривает наиболее общие вопросы, касающиеся подходов науки о языке в целом к своему предмету.

Автор благодарит Я. Г. Тестельца и П. М. Аркадьева за неоценимую помощь в поисках необходимой литературы и А. А. Кибрика за ценные замечания.



# Глава первая

## Проблема слова

### 1.1. Словоцентрический подход к языку

Как известно, мировая лингвистика генетически восходит к европейской лингвистической традиции, имеющей античные истоки (о других традициях речь пойдет в разделах 1.7–1.9). Языковеды самых разных школ продолжают использовать многие понятия, присутствовавшие еще в древнегреческих и римских грамматиках. К их числу относится и понятие слова – центральное понятие европейской традиции на всех этапах ее развития. Напомню известные слова Ф. де Соссюра: «Слово, несмотря на все трудности, связанные с определением этого понятия, есть единица, неотступно представляющаяся нашему уму как нечто центральное в механизме языка» [Соссюр 1977 [1916]: 143]. Видный отечественный лингвист П. С. Кузнецов указывал: «Слово (применительно к любому языку) представляет собой едва ли не единственную единицу, представление о которой имеет любой говорящий, даже неграмотный, чего нельзя сказать... о других, значимых единицах, больших и меньших слова» [Кузнецов 1964: 75]. Об этом же говорят и в наши дни: «слово – основная единица естественного языка» [Мельчук 1997: 7]; см. также тезис Э. Даля о роли слова в «повседневном осмыслении языка». Он же пишет: «В традиционной грамматике (с точки зрения, преобладающей по крайней мере в западной культуре), основным строительным блоком является слово» [Даль 2009 [2004]: 313]. При этом, как отмечал еще Л. В. Щерба, «отдельные слова не даны нам в речи. Кратчайшими отрезками этой последней являются группы слов (могущие, конечно, состоять и из одного слова)» [Щерба 1974: 326]. Сразу можно сказать, что для признания центральной роли слова должны быть иные основания.

Уже античные ученые исходили из первичности слова по отношению ко всем другим единицам языка. Значимые единицы меньшей протяженности, как и единицы, промежуточные между словом и предложением, не выделялись вообще [Античные 1936: 24, 61–62; Matthews 2003: 283]<sup>2</sup>. Например, Аристотель писал: «Имя есть звук, наделенный значением в соответствии с соглашением... никакая отдельная часть которого не наделена значением... Глагол есть [слово], которое обозначает еще и время, никакая часть которого в отдельности не наделена значением» [Аристотель 1978: 93–94]. Или более поздний схолий к Дионисию Фракийцу (II в. до н. э.): «Слово – мельчайший членораздельный звук, неделимый на части, особо высказанный и особо подуманный, проводимый под одним ударением и придыханием» [Античные 1936: 117]. Предложение определялось через слово, см. определение Дионисия: «Предложение – соединение слов, выражающее законченную мысль» (цитируется по [Оленич 1980: 216])<sup>3</sup>. Слово, таким образом, было первичной единицей анализа (я вернусь к этому вопросу в 1.11). Такой подход может быть назван словоцентрическим.

В Новое время анализ усложнился за счет добавления новых единиц, прежде всего корня и аффикса (с XVI в.; по мнению ряда исследователей [Блумфилд 1968 [1933]: 187; Matthews 1974: 73], под влиянием семитских традиций). Впервые они появились в грамматике древнееврейского языка И. Рейхлина (1506); впрочем, например, в Англии эти понятия утвердились

<sup>2</sup> Правда, сложные слова рассматривались как слова, состоящие из слов, тем самым их компоненты выделялись как особые единицы, однако они приравнивались к словам.

<sup>3</sup> Впрочем, Дионисий равным образом определял и слово как наименьшую часть предложения. Однако слово могло рассматриваться и вне предложения и характеризовалось независимо от него [Оленич 1980: 216], тогда как предложение трактовалось только как сочетание слов.

лишь в XIX в. [Matthews 2003: 283]. Еще позже, с конца XIX в., они были обобщены в понятии морфемы (впервые у И. А. Бодуэна де Куртенэ). Понятие морфемы оказалось совместимо со словоцентризмом: в таком случае она рассматривается как минимальная значимая часть слова. Появились, в том числе в русистике, и другие единицы, также второстепенные по сравнению со словом и предложением: основа слова, словосочетание. При словоцентрическом подходе грамматический анализ начинается с описания слов, остальные единицы либо отсутствуют, либо появляются на дальнейших этапах. Суть такого подхода охарактеризовал, например, А. И. Смирницкий: «Слово должно быть признано вообще основной языковой единицей: все прочие единицы языка (например, морфемы, фразеологические единицы, какие-либо грамматические построения) так или иначе обусловлены наличием слов и, следовательно, предполагают существование такой единицы, как слово... Морфемы выделяются лишь в результате анализа уже самого слова, словосочетания же, как правило... уже выходят за пределы словарного состава языка» [Смирницкий 1955: 11]. Слово – не только главное понятие грамматики, но и главное понятие языкознания вообще: язык – «совокупность способов выражения мысли при помощи слов» [Дурново 1924: 143]. Хочется отметить и идею о различиях между словом как реальной сущностью и другими единицами (например, корнями) как абстракциями. А. А. Потебня писал: «Только слово имеет в языке реальное бытие» [Потебня 1958 [1874]: 26]; сходные идеи в другое время и в другой стране высказывал Э. Сепир [Сепир 1993 [1921]: 50]. К этой идее я вернусь в 1.10–1.11.

Традиционно при словоцентрическом подходе слово по существу не определяется. Исключение составляли разве что античные и средневековые определения слова как минимальной значимой единицы, но они потеряли силу после введения понятий корня и аффикса. Все же «определения» слова при данном подходе не направлены на то, чтобы с их помощью членить текст на слова; их цель – выявить некоторые свойства уже известных единиц. Чаще всего просто обходятся без определения слов, предполагая, что читатель уже представляет, что это такое. Например, А. М. Пешковский не определял слово и начинал свою книгу фразой: «Огромное количество слов русского языка распадается в нашем уме на части» [Пешковский 1956 [1928]: 11]<sup>4</sup>. Та к бывает и в западных работах, например [Fries 1940]. Разумеется, на исследователей последних столетий влияет орфография с пробелами, но само существование пробела производно от словоцентризма, см. 1.4.6.

Словоцентрический подход безраздельно господствовал до конца XIX в. Но и после формирования иных подходов он оказался совместим с новыми, в том числе структурными, методами. Это проявлялось и во многих формализованных исследованиях, исходивших из понимания слова как последовательности между пробелами, и в теоретических работах, например А. И. Смирницкого [Смирницкий 1952; 1954; 1955], которые далее будут специально рассматриваться. Наиболее стойко держатся его позиции в отечественной лингвистике, особенно в русистике, что представляется не случайным и связанным с типологическими особенностями русского языка (см. раздел 10 первой главы и третью главу).

<sup>4</sup> А. М. Пешковский как раз занимался вопросами определения слова в другой работе [Пешковский 1925]. Но в книге, адресованной широкому читателю, он счел оправданным обойтись без этого.

## 1.2. Несловоцентрические подходы к языку

На грани XIX и XX вв. в языкознании получили распространение принципиально иные подходы к выделению единиц языка, которые можно назвать несловоцентрическими. Эти подходы, в отличие от принципиально единого словоцентрического подхода, могут существенно различаться между собой, однако общая их черта – отказ от представления о слове как исходной и заранее очевидной единице анализа.

Вероятно, первым из ученых, поставивших словоцентрический подход под сомнение, был И. А. Бодуэн де Куртенэ. Его точка зрения со временем менялась, окончательно он выразил несловоцентрический подход в поздних работах: энциклопедической статье «Язык и языки» (1904) и учебнике «Введение в языковедение» (1908). Обе работы (учебник в отрывках) представлены в двухтомнике [Бодуэн 1963], а учебник позднее переиздан [Бодуэн 2004 [1908]].

Исходной единицей анализа ученый считал предложение. Производятся два независимые друг от друга его членения: интонационно-фонетическое (до фонем как предельных единиц анализа, одна из промежуточных единиц – «фонетическое слово») и морфологическое. При последнем выделяются последовательно «сложные синтаксические единицы», «простые синтаксические единицы» («семасиологически-морфологические слова») и предельные единицы – морфемы. В энциклопедической статье предложение *На то щука в море, чтоб карась не дремал* на уровне «сложных синтаксических единиц» членится на две части: *на то щука в море* и *чтоб карась не дремал*. Далее выделяются пять «простых синтаксических единиц»: *на то, щука, в море, чтоб не дремал, карась* и тринадцать морфем: *на, т, о, щук, а, в, мор, е, чтоб, карась, не, дрема, л* [Бодуэн 1963. Т. 2: 78]. Аналогичным образом членится в учебнике предложение *Что написано пером, того не вырубишь топором* [Бодуэн 2004 [1908]: 40–47, 54–58].

Можно выделить три пункта, по которым такой подход отличается от традиционного. Во-первых, слово не является ни исходной, ни конечной единицей анализа. Во-вторых, на месте привычного слова оказываются две разные единицы, непосредственно не соотносимые друг с другом. В-третьих, обе единицы заметно не совпадают по границам со словом в традиционном смысле: *то, море, дремал, вырубишь* в анализируемых предложениях не выделяются как единицы вообще, а *не* в обоих предложениях – не слово, а морфема.

Несколько иной, но тоже далекий от словоцентризма подход в 20-е гг. XX в. предложил Л. Блумфилд: «Голосовые признаки, общие тождественным или частично тождественным высказываниям, суть *формы*... Минимальная форма есть *морфема*... Форма, которая может быть высказыванием, *свободна*. Форма, которая не свободна – *связана*... Минимальная свободная форма есть *слово*... Неминимальная свободная форма есть *словосочетание*... Повторяющиеся тождества порядков суть *конструкции*... Максимальная конструкция в любом высказывании есть *предложение*» [Блумфилд 1960 [1926]: 146–148].

По одному параметру Л. Блумфилд ближе к традиции, чем И. А. Бодуэн де Куртенэ: слово у него – одна единица. Однако по двум другим параметрам позиции двух лингвистов сходны: слово – одна из единиц, стоящая в ряду с другими; границы слов, выделяемых на основе данного определения, могут не совпадать с традиционными: например, далеко не каждое служебное слово способно быть высказыванием.

Последователи Л. Блумфилда – дескриптивисты в дальнейшем еще в меньшей степени исходили из понимания слова как важнейшей языковой единицы, иногда доходя до полного исключения его из анализа (подробнее см. 1.6). Грамматика непосредственно составляющих, общепринятая в американской науке с XX в. (о ней будет сказано в 3.2), несколько напоминает членение И. А. Бодуэна де Куртенэ: здесь также предложение делится (обычно бинарно) на составные части вплоть до морфем; эти части обязательно связаны грамматически. При таком

подходе на равных правах могут выделяться и компоненты предложения, связанные синтаксически, и части слов, связанные морфологически. Особый уровень слов при таком подходе оказывается либо второстепенным, либо вообще излишним. Впрочем, в ряде дескриптивистских работ все же уделяется внимание членению текста на слова [Harris 1951: 325–334; Greenberg 1957: 27–36]. Еще более это заметно в описаниях конкретных языков: один из самых крайних по теоретическим взглядам дескриптивистов Б. Блок в японской грамматике отвел большое место вопросу о выделении слов [Block 1970: 26–71].

Еще одну несловоцентрическую концепцию предложил в книге 1932 г. Ш. Балли. Этот ученый разделил слово на две единицы: семантему и синтаксическую молекулу. Семантема (лексическое слово) – «знак, выражающий чисто лексическое простое или сложное понятие», синтаксическая молекула (минимальная единица синтаксиса) состоит из семантемы плюс «грамматические знаки», позволяющие ей функционировать в предложении. Во французском языке эти понятия обычно совпадают: *loup* ‘волк’ – сразу то и другое, но латинский язык «топит семантему в молекуле»: *lupus* ‘волк’ – молекула, состоящая из семантемы *lup-* и окончания [Балли 1955 [1932]: 315–316]. Опять мы имеем дело с двумя единицами на месте традиционно единого слова, а обе единицы могут не совпадать со словом по границам, причем семантема по границам более или менее соответствует тому, что обычно именуется основой слова<sup>5</sup>. Последнее соответствие еще раньше Ш. Балли принимал А. Мейе: «Основа есть слово, поскольку оно [слово. – В. А.] выражает понятие» [Мейе 1938 [1903]: 170].

Существуют и другие несловоцентрические концепции, некоторые из них еще будут упомянуты. Все они в той или иной степени уравнивают слово с другими единицами языка, часть из них расщепляет слово на несколько единиц, наиболее крайние из этих концепций отказываются от слова вообще. Еще одна их общая черта: они должны тем или иным способом определять слово, это понятие не может оставаться интуитивно очевидным.

Возникновение несловоцентрических концепций в первой половине XX в. было закономерным: тогда возросли требования к научной строгости, а слово оказывалось неуловимым и не поддающимся строгим критериям понятием. Об этом в ту эпоху писали многие. Ш. Балли: «Понятие слова обычно считается ясным; на деле это одно из наиболее двусмысленных понятий, которые встречаются в языкознании» [Балли 1955 [1932]: 315]. А. М. Пешковский: «Самая природа отдельного слова... и самые принципы членения речи на слова остаются в области бессознательного» [Пешковский 1925: 123]. См. сходные высказывания Э. Сепира [Сепир 1993 [1921]: 50–51], В. Скалички [Skalička 1976: 16], А. Мартине [Мартине 1963 [1960]: 466–467] и многих других. Позже В. Г. Гак писал: «Трудность определения единых критериев выделения слова для всех видов слов и всех языков побуждала лингвистов пересматривать взгляд на слово как на основную единицу языка» [Гак 1990: 466]. В наши дни об этом пишет И. А. Мельчук: «Лингвисты не случайно веками<sup>6</sup> искали определение этому понятию: как и все базовые понятия, “слово” – это очень сложный объект. Его описание требует углубленного анализа многочисленных фактов, большого числа промежуточных понятий, а также исследований в смежных областях, которые сами по себе не менее сложны... Термин *слово* одновременно и неоднозначен, и расплывчат» [Мельчук 1997: 95–96]. Впрочем, как раз И. А. Мельчук не отказался от слово-центризма (см. ниже).

Помимо трудностей с определением слова на возникновение несловоцентрических концепций повлияли и осознанные к началу XX в. трудности, связанные с применением традиционного понятия слова к языкам нефлективного строя. Поскольку «слова не даны нам в речи», а интуиция здесь не могла помочь, то необходимы были эксплицитные критерии, которые, как

<sup>5</sup> Данное противопоставление иногда отождествляют с противопоставлением словоформы (= молекуле) и лексемы (= семантеме) [Dixon, Aikhenvald 2003: 22]. Однако словоформа и лексема у А. И. Смирницкого, А. А. Зализняка и др. по определению совпадают по границам, чего у молекулы и семантемы может не быть.

<sup>6</sup> Все-таки не веками: такие поиски ведутся лишь с конца XIX в., до того исходили из очевидности слова.

сразу выяснилось, легко не устанавливались. Видимо, не случайно ориентация не на слово, а на морфему как на базовую единицу исследования была особо свойственна дескриптивной лингвистике, во многом ориентированной на описание «экзотических» языков; впрочем, по-видимому, на нее мог влиять и строй английского языка (см. 3.2).

В целом же большинству направлений структурализма были свойственны несловоцентрические подходы. Некоторое исключение составляла Пражская школа, которая старалась совместить словоцентрический и несловоцентрический подходы, см. обзор взглядов пражцев на слово в книге [Krámský 1969] и позицию самого И. Крамского. Еще меньше несловоцентрические подходы были распространены в СССР, особенно среди тех лингвистов, которые по своей узкой специализации были русистами (впрочем, из словоцентризма исходил и А. И. Смирницкий, германист по специализации). Не связано ли это было с тем, что чешский и русский языки, как и латинский, в отличие, например, от английского или французского, по выражению Ш. Балли, «топят семантему в молекуле»?

А вот среди советских лингвистов, занимавшихся языками иного строя, несловоцентрические подходы встречались чаще. Вот, например, концепция И. Ф. Вардуля, япониста по узкой специализации: «В естественных ЯС (языковых системах. – В. А.) выделяется восемь ярусов... Морфонологический ярус. Н-единицами (низшими единицами. – В. А.) являются фонемы. В-единицами (высшими единицами. – В. А.) – морфемы... Лексико-морфологический ярус. Н-единицами являются морфемы. В-единицами – словоформы (или точнее – глоссемы)» [Вардуль 1977: 100]. И далее: «Имеется еще один ярус – с глоссемой в качестве его Н-единицы и синтаксемой в качестве В-единицы» [Там же: 215]. Затем выделяется и синтаксический ярус, где Н-единицами являются синтаксемы, промежуточными единицами – предложения, В-единицами – периоды [Там же: 229]. См. также несловоцентрическую концепцию в арабистике [Габучян, Ковалев 1968].

Вообще, концепция ярусного (уровневого) строения языка с трудом совместима со словоцентризмом уже потому, что эта концепция естественно предполагает движение либо «сверху вниз», либо «снизу вверх», что исключает возможность все начинать со слова. Обратное неверно: несловоцентрические подходы необязательно сопряжены с таким движением, скажем, Б. А. Успенский предлагал путь «предложение – морфема – слово» [Успенский 1965: 71–85].

Словоцентрический и несловоцентрические подходы не всегда четко отграничены друг от друга: даже в такой явно словоцентрической по своим принципам работе, как академическая «Грамматика русского языка», говорится, что «словосочетания делятся на слова» [Грамматика 1952: 10–11]. Ср. также совмещение подходов у И. Крамского [Krámský 1969: 67–72], Дж. Лайонза [Лайонз 1978 [1972]: 193–219] и др. Положения, логически связанные со словоцентрическим подходом, например понимание лексемы как множества словоформ, могут разделяться и лингвистами, не исходящими из словоцентризма. Тем не менее принципиальные различия двух точек зрения несомненны.

В последние полвека теоретические споры по вопросам слова стали менее острыми, хотя эти вопросы остались нерешенными. Дело здесь, прежде всего, в общем переносе центра внимания мировой лингвистики с фонологии и морфологии на синтаксис и семантику. М. Хаспельмат [Haspelmath 2011: 75] отмечал, что последняя известная ему теоретическая работа, где обсуждаются данные проблемы, – книга [Langacker 1972] (речь, разумеется, не идет о грамматиках конкретных языков). Однако в конце прошлого века появилась фундаментальная книга [Мельчук 1997] (до русского ее издания вышло французское), надо отметить и сборник [Dixon, Aikhenvald (eds) 2003], включающий и теоретические статьи, и описания конкретных языков.

Как отмечает В. А. Плунгян, «разные модели морфологии отличаются друг от друга прежде всего тем, что ориентированы на языки разных типов»; один тип считается эталонным,

а прочие типы – отклонениями от эталона [Плунгян 2000: 71]. Словоцентрический подход эталоном считает какой-либо синтетический флективный язык (древнегреческий, латинский, русский и др.), а последовательно несловоцентрический подход (особенно у дескриптивистов) более всего ориентируется на «агглютинативный идеал» [Там же: 71–72], не потому, что таким лингвистам агглютинативные языки привычнее, а потому, что этот подход проще, фузионные же явления усложняют описание. С этим различием связаны в том числе и определения слова.

### 1.3. Определения слова

Существует огромное количество определений слова, перечень и анализ этих определений содержится, например, в работах К. Тогебу [Togebuy 1949], И. Крамского [Krámský 1969: 67–72], А. Жюйана и А. Росерика [Jullian, Roceric 1972]. В нашей стране наиболее подробный обзор определений слова в науке XIX в. и первой половины XX в. содержится в работе И. Е. Аничкова, публиковавшейся сначала в сокращенном виде [Аничков 1963], а позже (посмертно) полностью [Аничков 1997]. И. Е. Аничков обнаружил у 33 учтенных им лингвистов 34 разных определения слова [Там же: 228–229]. «Едва ли целесообразно пытаться дать еще одно совершенно новое определение; разумнее было бы рассмотреть то, что уже предлагалось» [Яхонтов 2016 [1969]: 141]. Во всех видах определений слова, так или иначе, отражается либо словоцентризм, либо какая-то из несловоцентрических концепций.

Наряду с традиционным подходом, не задумывающимся над тем, что слово следует определять, существует и подход, осознанно отказывающийся от определения слова. Его выразил, например, М. Н. Петерсон: «Удовлетворительного определения слова нет, да едва ли можно его дать; слово – это такое простое понятие, которому нельзя дать логическое определение, а потому приходится удовольствоваться простым указанием или описанием» [Петерсон 1925: 23–24]. Это – непосредственное выражение словоцентрического подхода, в науке XX в. все же редкое. Чаще приходили к выводу: «Едва ли не правильнее видеть в слове очень сложное понятие, а не простое» [Аничков 1997: 221] (см. также упоминавшееся выше высказывание И. А. Мельчука), и стремились дать его то или иное определение.

Сами же определения слова можно разделить на четыре группы. Первый, наиболее традиционный их тип, давно существовавший, но доживший до наших дней и получивший «второе дыхание», – так называемые комплексные определения, исторически связанные со словоцентризмом. В них слово определяется сразу по целому комплексу признаков. Они могут быть семантическими (семантическая цельность, номинативность, связь с понятием и пр.), синтаксическими (синтаксическая самостоятельность, вхождение в предложение), морфологическими (оформленность), фонетическими (наличие ударения и др.) и могут комбинироваться различным образом. Считается, что разные области языкознания (лексикология, морфология, синтаксис, иногда и акцентология) изучают одну и ту же единицу языка – слово, хотя в разных аспектах. Например, И. И. Мещанинов определял слово сразу в двух планах: лексическом (семантическом) и синтаксическом [Мещанинов 1975: 37–38]. А. И. Смирницкий выделял два разноплановых определяющих признака слова: идиоматичность (семантический) и цельнооформленность (морфологический) [Смирницкий 1952: 197–199]. Показательны и слова В. Г. Гака: «Значение понятия “Слово” именно в том, что оно объединяет признаки разных аспектов языка: звукового, смыслового, грамматического» [Гак 1990: 466]. К этой цитате я еще вернусь.

Интуитивно комплексные определения слова кажутся разумными, однако на их основе трудно членить текст на слова. Еще В. В. Виноградов писал, что общие определения слова малосодержательны [Виноградов 1975 [1944]: 33]. Даже в пределах одного и того же языка разные аспекты слова не совпадают до конца друг с другом. Это были вынуждены признавать и лингвисты, исходившие из комплексных определений. И. И. Мещанинов отмечал, что предлоги сходны со словами с точки зрения синтаксиса, но отличны по семантике [Мещанинов 1975: 37–38], а единицы типа *Красная Армия*, наоборот, семантически не отличаются от слов, отличаясь от них синтаксически [Там же: 43]. А. И. Смирницкий признал, что цельнооформленность и идиоматичность могут не совпадать между собой в обе стороны. Например, в звуковом комплексе *седобородый* показатель *-ый* относится ко всему комплексу, тем самым это слово, а в комплексе *седая борода* такого показателя нет, значит, это не слово, а два слова.

*Седобородый* обладает цельнооформленностью, но не идиоматичностью, в случае *железная дорога* обратная ситуация. Поэтому он пришел в конечном итоге к выделению слов на основе одной лишь цельнооформленности [Смирницкий 1952: 201–202].

Но и в наши дни этот тип определений существует и даже может не быть жестко связан со словоцентризмом; например, к нему приходит большинство авторов сборника [Dixon, Aikhenvald (eds) 2003]. Один из его авторов, например, понимает слово как конвергенцию фонологических, морфологических и синтаксических свойств [Woodbury 2003: 94]. Р. М. У. Диксон и А. Ю. Айхенвальд учитывают разные результаты применения фонетических и грамматических признаков, к тому же варьирующихся по языкам, однако считают, что раз они при некоторых различиях чаще совпадают, то мы можем сохранить для всех единиц, обладающих этими признаками, единый термин *слово* [Dixon, Aikhenvald 2003: 46].

Очень последовательно исходит из единства слова И. А. Мельчук. Точнее, он выделяет и последовательно противопоставляет две единицы, постоянно разграничиваемые в отечественной традиции после классических работ [Смирницкий 1954; 1955]: «слово – это либо **словоформа**, либо **лексема**» [Мельчук 1997: 103]. Но эти единицы различаются не по протяженности, а прежде всего степенью абстрактности, лексема – множество словоформ [Там же: 98, 320 и др.]. Впрочем, в некоторых периферийных случаях лексема и словоформа могут по границам не совпадать: аналитические формы входят в состав лексемы, не являясь словоформами, а образования вроде французского *du* (слияние предлога *de* и артикля *le*), наоборот, словоформы, не входящие ни в какую лексему [Мельчук 1997: 320–321]. Однако оба понятия в норме совпадают по границам и отражают разные стороны традиционного понятия слова. Определения словоформы и лексемы [Там же: 175–176, 329] строятся так, чтобы могли максимально учитываться разные признаки, используемые в лингвистике для выделения слов. Определения оказываются сложными, но сам их автор признает, что, например, его определение лексемы может не охватить все реальные случаи [Там же: 333–334].

То есть приходится либо устанавливать иерархию признаков (А. И. Смирницкий), фактически сводя определение к приоритетному признаку, либо выделять некоторый прототип слова, имеющий комплекс признаков, признавая, что реальные слова могут обладать не всеми из них (Р. М. У. Диксон и А. Ю. Айхенвальд, а также В. Г. Гак). В пользу последней точки зрения приводился такой аргумент: «Если какие-то явления, как правило, совпадают, между ними должно быть что-то общее. Это общее и подлежит в данном случае определению» [Шмелев 1973: 42]. У И. А. Мельчука можно обнаружить то и другое: полная иерархия признаков (которых много больше, чем два) не устанавливается, но элементы иерархии иногда прямо формулируются (отделимость словоформы весомее, чем переместимость), иногда вытекают из общего подхода (малый вес фонетических признаков). Но еще заметнее у него последовательное стремление к установлению некоторого бесспорного прототипа слова с последующим рассмотрением спорных случаев, при которых действует лишь часть признаков; большое количество таких случаев приходится специально рассматривать по отдельности.

Данный тип определений уязвим для критики, однако комплексное понимание слова интуитивно кажется едва ли не наиболее разумным; видимо, поэтому оно продолжает существовать. К этому вопросу я вернусь в конце главы.

Вторая группа определений, наиболее многочисленная и разнообразная в лингвистике XX в., тесно связана с тем или иным несловоцентрическим подходом. И здесь слово признается универсальным понятием, но в отличие от определений первой группы в них его выделение производится по какому-то единому признаку. Сами по себе эти признаки могут быть разными: синтаксическими, морфологическими, фонетическими, реже семантическими. К этой группе относятся вышеприведенные определения Л. Блумфилда, И. Ф. Вардуля, Е. Д. Поливанова<sup>7</sup>;

<sup>7</sup> В более поздней работе, написанной в середине 30-х гг., ученый несколько изменил точку зрения, выделяя «критерий изо-



у последнего, правда, кроме главного, синтаксического признака выделены и второстепенные: фонетические. Еще одним примером может служить определение слова на основе уточненного признака неразрывности у Дж. Гринберга [Greenberg 1957: 28–31].

Такие определения выгодно отличаются от комплексных определений своей непротиворечивостью и при достаточной строгости могут давать четкий результат. В отличие от определений предыдущего типа они создают условия для соизмеримого описания языков на единой основе. Однако в связи с данными определениями возникают две проблемы. Во-первых, разные определения такого рода могут даже для одного и того же языка давать разные результаты, что мы уже видели на примере японского языка у Е. Д. Поливанова и И. Ф. Вардуля. И здесь постоянно встает вопрос: почему эти разные результаты требуют сохранения одного и того же термина *слово*?

Во-вторых, если определения первого типа ориентируются на традиционное представление о слове, то данные определения приводят к нетрадиционным результатам. Например, согласно определениям Е. Д. Поливанова и Л. Блумфилда, служебные слова (по крайней мере, наиболее типичные из них) не будут словами. В концепции Е. Д. Поливанова, примененной к японскому языку, служебным словам закономерно не нашлось места<sup>8</sup>. А Л. Блумфилд, как заметил Дж. Гринберг [Ibid.: 28], не пользовался своим определением при обращении к английскому языку: реально у него слово в этом языке – не минимальная свободная форма, а последовательность между пробелами в стандартной орфографии [Блумфилд 1968 [1933]: 187 и др.].

Как правило, при таких определениях не дается обоснования того, почему именно синтаксические или почему именно морфологические критерии берутся как основополагающие. Любопытна определенная корреляция между выбором определения и национальной традицией, в той или иной степени основанной на свойствах ее базового языка: И. Е. Аничков заметил, что англоязычные лингвисты склонны к синтаксическим определениям слова как предельного минимума предложения [Аничков 1997: 232]; среди отечественных лингвистов такую точку зрения он зафиксировал лишь у Е. Д. Поливанова. А вот слово как цельнооформленная единица выделяется, по-видимому, лишь в отечественной науке. Здесь можно видеть влияние строя языка с бедной (английский) или богатой (русский) морфологией. Я вернусь к этому вопросу в разделе 3.2.

На ограниченность подобных определений обращали внимание самые разные лингвисты [Пешковский 1925: 123–130; Виноградов 1972 [1947]: 13–15; Togeby 1949: 99–107; Апресян 1966: 11–14; Haspelmath 2011: 36–64]. Тем не менее едва ли не за каждым таким определением стоит некоторая языковая реальность. Однако реальность эта часто различна. Несовпадение определений наводит на мысль о том, что за ними стоят различные, не всегда совпадающие единицы языка, и остается неясным, какая из этих единиц заслуживает именования словом. Этот вопрос подробно будет рассмотрен в следующем разделе.

Третий тип определений обычно свойствен ученым, как-то совмещающим словоцентрический и несловоцентрические подходы, и во многом стал реакцией на односторонность определений второго типа. Как и в определениях первого типа, здесь также имеется комплекс признаков, однако эти признаки полностью или частично рассматриваются как переменные, по-разному реализующиеся в конкретных языках. См. определение И. Крамского: «Слово – мельчайшая независимая единица языка, передающая некоторую экстралингвистическую реальность или отношение таких реальностей и характеризуемая некоторыми формальными чертами (акустическими, морфемными) актуально... или потенциально» [Krámský 1969: 67]. При

лируемости», основанный на способности изолироваться в качестве «единственного состава произносительной фразы» [Поливанов 1991: 424]. То есть подход сходен с подходом Л. Блумфилда (сам Е. Д. Поливанов указывал, что впервые его предложил Г. Суит [Там же]).

<sup>8</sup> В книге [Плетнер, Поливанов 1930] выделено небольшое количество служебных слов для этого языка, но они упоминаются лишь в части книги, написанной соавтором Е. Д. Поливанова.

этом «формальные черты», по И. Крамскому, определяются для каждого языка (или группы типологически близких языков) отдельно; например, для тюркских языков такой чертой будет сингармонизм [Ibid.: 76–77]. Здесь одновременно выделяются традиционные признаки, описывающие свойства слова, но не позволяющие выделить его в тексте, и переменные для разных языков признаки, не составляющие сущность слова, но позволяющие слово выделить. Другие лингвисты отказываются от такой эклектичности и включают в определение слова только признаки второго типа. Например, Ч. Базелл выделяет шесть формальных признаков слова (фонетических, морфологических, синтаксических), указывая, что к разным языкам они применимы в разной степени и слово должно определяться по признаку дополнительности в языках разного типа [Базелл 1972 [1958]]. Еще более крайней была точка зрения Л. В. Щербы, выраженная в известном высказывании: «Что такое слово? Мне думается, что в разных языках это будет по-разному. Из этого, собственно, следует, что понятия “слово вообще” не существует» [Щерба 1960 [1946]: 314]. Сходную точку зрения высказывал и В. Скаличка [Skalička 1976: 16], присутствует она и в книге [Dixon, Aikhenvald (eds) 2003], см., например, [Olawsky 2003: 220]. А П. Х. Мэтьюс пишет, что в отличие, например, от слога слово не является универсальным понятием [Matthews 2003: 288–289]. Несмотря на явное стремление к комплексности при определении слова, и И. А. Мельчук отчасти согласен с данным подходом: «Невозможно установить систему точных количественных критериев, которые были бы одинаково пригодны для всех языков и всех мыслимых случаев. От языка к языку степень достаточности может меняться» [Мельчук 1997: 177]. «Понятие словоформы градуально и относительно, т. е. зависит от данного языка» [Там же: 238].

Данный класс определений, как и предыдущий, имеет преимущество по сравнению с первым, поскольку здесь предлагаются или могут быть предложены критерии для членения на слова. По сравнению с предыдущим классом он в большей степени может сохранять традиционные представления о слове. Но его слабое место было отмечено А. И. Смирницким, спорившим с Л. В. Щербой: «Если “слово” будет совершенно разными единицами в разных языках, то почему вообще эти разные единицы можно называть словом?» [Смирницкий 1952: 183]. Тезис о разном значении термина «слово» в разных языках затрудняет сопоставление их описаний. И, как и в случае определений второго типа, требуются обоснования того, почему столь разные единицы занимают центральное место в «повседневном осмыслении языка». Чаще всего обоснований не бывает.

Наконец, четвертый класс определений, возможный только при последовательном отказе от словоцентризма, составляют определения, расщепляющие понятие слова на несколько единиц<sup>9</sup>. Сюда относятся вышеупомянутые определения И. А. Бодуэна де Куртенэ, различавшего фонетические и семасиологически-морфологические слова, и Ш. Балли, противопоставлявшего семантему синтаксической молекуле<sup>10</sup>. Хотя определение слова в книге И. Ф. Вардуля 1964 г. относится к предыдущему типу, но и у него в книге 1977 г. слово расщепляется на две единицы: глоссему (по-прежнему выделяемую по морфологическим критериям) и синтаксему, представляющую собой сочетание знаменательной глоссемы с примыкающими к ней служебными; именно синтаксемы являются членами предложения. Синтаксема в данном смысле имеет сходство с семасиологически-морфологическими словами у И. А. Бодуэна де Куртенэ, но на И. Ф. Вардуля в данном случае, вероятно, повлияла и известная ему японская лингвистика, где две соответствующие единицы различаются (см. раздел 1.7).

<sup>9</sup> Такое расщепление может проводиться различным образом. Концепции, рассматриваемые здесь, следует отделять от концепций, выделяющих единицы, различающиеся лишь степенью абстракции. К последним относится известное и ныне практически общепринятое в России разграничение словоформы и лексемы.

<sup>10</sup> В одной из недавних публикаций двух швейцарских (то есть не англоязычных) ученых сказано, что фонологическое и синтаксическое слово впервые разграничил Р. В. У. Диксон в 1977 г. [Bickel, Zúñiga 2017: 160]. Вся предшествующая история такого разграничения в Европе и России полностью проигнорирована.

Особенно последовательно расщепление слова на различные единицы еще более чем полвека назад провел С. Е. Яхонтов [Яхонтов 2016 [1963]: 109–116]. Согласно ему, за традиционным понятием слова скрывается пять разных по своим свойствам разноплановых единиц. Это графическое слово (традиционно выделяемое на письме), словарное слово (семантическая единица), фонетическое слово, флексивное слово (последовательность, распадающаяся на корневую и формальную часть), цельное слово («группа морфем, которые не могут быть переставлены или раздвинуты без явного изменения их значения или нарушения связи между ними»). Эти идеи представляются автору данной книги очень важными [Алпатов 2016а; 2018], и я буду к ним возвращаться.

Подобные определения вовсе не означают обязательного отказа от понятия слова и исключения проблемы слова из лингвистики, в чем, на мой взгляд, необоснованно упрекали Ш. Балли независимо друг от друга И. Крамский [Krámský 1969: 9], И. Е. Аничков [Аничков 1997: 226] и В. Г. Гак [Гак 1990: 466]. Расщепление понятия и отказ от него – не одно и то же. Однако при таких подходах слово, не обязательно отвергаясь совсем, понимается максимально нетрадиционно. Явный разрыв с традицией – пожалуй, главный аргумент против данной группы определений (которые, разумеется, могут быть более или менее удачными). В то же время здесь получают объяснение отмечавшиеся выше несовпадения между разными аспектами слова. Преодолевается и неуниверсальность определений третьего типа (среди выделяемых единиц могут, впрочем, быть и неуниверсальные). Наконец, в отличие от других определений находят место в системе самые различные признаки и свойства, способные использоваться в определениях слова (тогда как при стремлении определить слово по одному признаку остальные могут остаться в тени). С. Е. Яхонтов, правда, опускал многочисленную группу определений слова как потенциального минимума предложения. В рамках такого подхода возможно и моделирование традиционных представлений о слове, хотя и не достигающее полного совпадения с ними (но такого совпадения не происходит и при других определениях). Но доказать, что слово – главное понятие науки о языке, исходя из определений такого рода, нельзя. С. Е. Яхонтов писал: «Хотя все эти определения “слова” противоречат одно другому, они все – правильные, потому что все они отражают какие-то объективно существующие в языке (или письменности) явления. Кроме того, все эти определения – общелингвистические, то есть они исходят из фактов, наблюдаемых не в одном каком-то языке, а во многих языках разных типов. Напротив, “слово вообще” просто не существует» [Яхонтов 2016 [1963]: 114]. Однако вся европейская традиция исходила из «слова вообще».

В ряде современных работ прямо делается вывод, что в промежутке между морфемой и тем, что в англоязычной лингвистике называется *phrase*<sup>11</sup>, выделяются несколько областей и нет единого уровня слова [Bickel, Zúñiga 2017: 166]. Это иллюстрируется материалом двух полисинтетических языков в Аргентине и Непале. По мнению авторов, по крайней мере в языках этого строя нет «слов вообще», а выделяются разные единицы на основе критериев ударения, морфонологических изменений на стыках, возможности ставки, степени фиксированности порядка и др. [Ibid.: 177–178]. Такой подход полностью отказывается от представления о центральной роли слова в языке; следующий шаг – полный отказ от этого понятия, который будет рассмотрен в 1.6.

В целом можно сказать, что определения лингвистических понятий делятся на два класса. Один класс – уточнение существующих нестрогих понятий, для слова это, например, определения А. И. Смирницкого или И. А. Мельчука. Второй класс – определение понятия, исходя из анализа материала без прямой связи с традицией, таким способом слово определяли И. А. Бодуэн де Куртенэ, Ш. Балли и другие. Но при этом оказывается, что первые определения

<sup>11</sup> В данном контексте этот термин ближе всего к русскому термину *словосочетание*, хотя и не совпадает с ним. Специально об англоязычном термине будет говориться в разделах 1.6 и 3.2.

дать очень сложно, а гарантии совпадения с традицией все равно нет, а вторые определения не могут не проходить осознанную или неосознанную проверку языковой интуицией, которую они часто не выдерживают. И можно согласиться с С. Е. Яхонтовым: «Каким бы тонким и гибким мы ни старались сделать общелингвистическое определение слова, оно все равно в чем-то будет расходиться с традициями описания каждого конкретного языка» [Яхонтов 2016 [1969]: 156].

## 1.4. О разных значениях термина «слово»

Я подробнее остановлюсь на «расщепляющих» определениях последнего типа, а также на разном при определениях слова, основанных на едином признаке. То и другое показывает, что в традиционном понятии слова могут скрываться разные единицы языка. Я не ставлю задачу дать исчерпывающее их перечисление: чем внимательнее рассматривать языковые явления, тем все большее число несовпадающих единиц можно выделить. В последующих разделах речь пойдет о ряде таких единиц. Такой анализ уже проводился в книге [Алпатов 1979а: 9–25], однако по сравнению с ней кое-что уточнено и дополнено, в том числе в отдельные разделы 1.10–1.11 выделен вопрос о «психолингвистическом слове».

### 1.4.1. Фонетические слова

(акцентуационное, фонетически отдельное и др.)

Отграничение фонетических слов от собственно слов, начатое И. А. Бодуэном де Куртенэ, имеет, пожалуй, наибольшую традицию, встречаясь даже в рамках словоцентрических концепций, в том числе в русистике. Последовательно «слово в собственном смысле» отделял от «акцентного слова», например, Ю. С. Маслов [Маслов 1975: 86]. Существует и точка зрения, согласно которой слово вообще не следует считать фонетической единицей [Мейе 1938 [1903]: 157–158]. С другой стороны, в недавней книге [Dixon, Aikhenvald (eds) 2003] последовательно выражена точка зрения, согласно которой главными признаками слова являются в совокупности фонетические и грамматические и при выделении слов те и другие надо обязательно учитывать. В то же время один из авторов книги подчеркивает, что нет логических оснований для совпадения фонетического и грамматического слова [Matthews 2003: 286]. У И. А. Мельчука фонетические признаки слова рассматриваются лишь как «связность в рамках означающего», один из четырех видов связности, присущей типичным словоформам [Мельчук 1997: 200–203]; в число конституирующих признаков слова они не входят.

Фонетические слова при любом их понимании слишком явно расходятся с традиционным представлением о слове в европейских языках. Прежде всего, это связано и с безусловными служебными словами, и с единицами неясного статуса вроде тюркских или японских падежных показателей (оба класса или лишь второй из них называют клитиками, см. ниже): те и другие, как правило, не имеют собственной акцентуации и не отделяются паузой. Однако для более «экзотических» языков нередко слово понимают именно как фонетическое слово. Например, в японистике так поступали Окумура Мицуо [Okumura 1954], Дж. Дж. Чью [Chew 1973: 6–7], Е. Д. Поливанов в ранней книге [Поливанов 1917: 64] (позже он пришел к иному определению слова, приводившемуся выше, где, однако, также учитывались фонетические критерии как второстепенные). Представляется, что нет оснований считать, будто критерии ударения или паузы для японского языка подходят лучше, чем, скажем, для русского<sup>12</sup>. Просто там, где нет традиции выделения слов (или эта традиция существенно иная, как в Японии), скорее принимаются в расчет сравнительно легко применяемые критерии.

Среди признаков фонетического слова выделяются весьма различные и не всегда совпадающие: акцентуационное единство, невозможность паузы внутри его, тон, сингармонизм,

<sup>12</sup> Для ударения скорее можно было бы предполагать обратное: русское динамическое ударение – более сильное средство выделения речевых отрезков, чем японское музыкальное (в японской лингвистике, в отличие от русской, лексические единицы, различающиеся лишь ударением, считают омонимами).

законы начала и конца слова (выражение делимитативной функции, по Н. Трубецкому), морфонологические правила, действующие только на стыках слов (внешние сандхи) или только внутри слов (внутренние сандхи), и некоторые другие. Перечень таких признаков см., например, [Dixon, Aikhenvald 2003: 28]. С. Е. Яхонтов указывал: «Фонетическое слово – самое неопределенное и расплывчатое из всех явлений, называемых “словом”... Даже в одном и том же языке границы фонетических слов могут оказаться разными, в зависимости от того, какое фонетическое явление взять в качестве критерия» [Яхонтов 2016 [1963]: 111]. Эти признаки иногда связаны между собой, например разделенная паузой последовательность не может иметь единого ударения (однако без пауз можно произнести и отрезки с несколькими ударениями). Могут быть выделены несколько единиц, важнейшие из которых и выделяемые чаще всего – акцентуационное слово и фонетически отдельное слово.

Изучение данных единиц – особая задача, поставленная еще И. А. Бодуэном де Куртенэ: см., например, выделение фонетической синтагмы и фонетического слова у С. В. Кодзасова [Кибрик и др. 1977: 260–264], просодемонный анализ у Хаттори Сиро [Хаттори 1983] или выделение супрафонологического яруса у И. Ф. Вардуля [Вардуль 1977: 325].

Особо следует упомянуть сложный вопрос трактовки известного явления сингармонизма в алтайских и уральских языках, где гласные в пределах некоторого отрезка текста уподобляются по признаку ряда (а иногда и огубленности) первому гласному корня. Для этих языков, агглютинативных по строю, большинство лингвистов именно сингармонизм считают главным критерием членения текста на слова: считается, что это правило действует в пределах слова, но не распространяется на соседние слова. Безусловно, как и ударение, сингармонизм играет значительную роль в выделении слов при восприятии речи [Касевич 2006: 352]. Но известны и случаи несовпадения границ сингармонистических последовательностей и слов, выделяемых по иным признакам [Там же: 347–348 и др.]. Сингармонизм – явно не морфологическое явление, поскольку его правила могут действовать независимо от морфемного членения [Баскаков 1966: 27; Harris 1951: 345–346; Matthews 1974: 86]. Многие языковеды, начиная с И. А. Бодуэна де Куртенэ, вполне правомерно, на наш взгляд, сопоставляют ударение и сингармонизм как сходные явления, см. развернутую аргументацию у В. Б. Касевича [Касевич 2006: 345–357]. В языках, где есть сингармонизм, он играет компенсирующую роль по отношению к недостаточно развитому (по мнению некоторых лингвистов, даже отсутствующему) ударению [Там же: 349–354]. Поэтому сингармонистические последовательности, по-видимому, следует рассматривать как разновидности фонетических слов (вероятно, как третью единицу такого рода), а не как словоформы или какие-то иные единицы.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.